

Когда снова слышались шаги и загремел засов двери, юноша вздрогнул. Он почувствовал, как что-то холодное подступило к его горлу, проникло в душу. Василий Гуреев наблюдал, как в раскрытую дверь сарая вошли все те же четверо немцев, волоча за собой обмякшее, почти безжизненное тело Селезнева, как волоклись по земле его ноги.

— Крепись, мальчик... — прошептал Селезнев, и Вася увидел в его глазах теплоту участия, пробившуюся сквозь выражение нестерпимой боли.

Ауфштейн!

Паренек вздрогнул от неожиданности и поднялся на ноги. Превозмогая боль, зашагал к выходу. Его провели в крестьянскую избу, где за столом над картой сидел немецкий офицер. Разведчика поставили вплотную к столу, развязали руки. Он посмотрел в лицо офицера, встретился с колючим, надменным взглядом. Его глаза, серые, холодные, пустые, внушали не столько страх, сколько отвращение.

Офицер двинул Васю кулаком в лицо так сильно, что у него zakружилась голова, потемнело в глазах... и он упал. Но сильный удар сапога заставил подняться.

— Партизанен! Коммунист!

Звук голоса испугал Васю, хлестнул по нервам. В сознании метались обрывки мыслей. Он понял, что стоит перед лицом смерти... А разве он мало сделал для ускорения победы? Взорванная фашистская техника, выведенные из строя дороги, сотня вражеских жизней — это ли не частица его борьбы, это ли не его, Васина, месть за расстрел матери, сестренки, за изломанное счастье юности, за муки и слезы людей? Все, что он мог, сделал. Теперь нужно достойно встретить смерть перед лицом врага.

— Ты должен скажйт, где партизанен, — тыча пистолетом в карту, кричал офицер.

Вася молчал, стиснув разбитые зубы.

— Ну?!

— Где партизанен? — стучал офицер по столу.

Разведчик по-прежнему молчал.

Немец с размаху ударил Гуреева в плечо. Вслед за этим обрушился поток ударов. Его били четверо взрослых, бросали на пол, поднимали ударами сапог, швыряли из угла в угол. Били долго, до потери сознания. А потом обессиленного, едва державшегося на ногах, снова

подвели к столу, где уже в темном от сумерек углу избы по-прежнему сидел все тот же немецкий офицер.

И Васю снова били, швыряли из угла в угол. Пятнадцатилетний юноша молчал. И только когда ударили его в голову прикладом автомата и кровь залила глаза, он упал и впервые вскрикнул от нестерпимой боли.

— Расстрелять, — махнул пистолетом немецкий офицер. Партизан выволокли в огород и приставили к стене сарая. Они стояли рядом плечом к плечу, оба избитые, едва живые. Солнце зашло, но еще ярко горела заря. В низинах сгущались сумерки. В небе одна за другой вспыхивали звезды.

Вася жадными глазами смотрел на окружающее.

«Вот и все»... — думал он.

— Вася!

Он повернулся к Селезневу, ставшим ему теперь самым близким человеком.

— Крепись, сынок. Родина знает. Она им не простит.

Вася молча кивнул головой. Было жалко уходить из жизни... Но он поборол это чувство и гордо откинул назад свою курчавую голову. И стоял он так, смотря смерти в лицо, пока в начавшей сгущаться тьме не вспыхнули два резких желтых огня.

Ударный фронт 1965, 8 апреля

Т.Н. Антипенко¹

В РАЗВЕДКУ ПРИКАЗОМ НЕ НАЗНАЧАЮТ (из записок моего отца)

Папку с рукописными листами воспоминаний моего отца, Антипенко Николая Михайловича, о Великой Отечественной я обнаружила уже после его ухода из жизни. Долгое время до них не доходили руки. Сейчас, накануне 60-летия Великой Победы, хочу отдать хотя бы малую толику дочернего долга.